

С. А. СКУРИДИНА *

ORCID ID: 0000-0002-2313-2482

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ МОДЕЛИ ОНОМАСТИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА ДОСТОЕВСКОГО

Аннотация. В работе рассматривается семантический потенциал имен собственных, используемых в художественных текстах Достоевского, и отмечается, что на основе их анализа может быть выявлена модель ономастического творчества — иерархическая структура, включающая ономастические доминанты разных уровней, выполняющие определенные функции, и обладающая системными признаками, проявляющимися в индивидуально-авторском ономастическом коде, который представляет собой комбинацию апеллятивно-онимных элементов, способных эксплицировать информацию о художественном образе, хронотопе, автобиографии, мифопоэтических константах и др.

Ключевые слова: Достоевский, ономастика, ономастический код, модель ономастического творчества, семантически маркированные онимы.

S. A. SKURIDINA

ABOUT SOME FEATURES OF THE MODEL OF DOSTOEVSKY'S ONOMASTIC CREATIVITY

Annotation: The research examines the semantic potential of proper names used in Dostoevsky's literary texts, and notes that on the basis of their analysis, a model of onomastic creativity can be identified — a hierarchical structure that includes onomastic dominants of different levels that perform certain functions, and has systemic features that manifest themselves in an individual author's onomastic code, which is a combination of appellative-onymic elements capable of explicating information about an artistic image, chronotope, autobiography and mythopoetic constants.

Key words: Dostoevsky, onomastics, onomastic code, model of onomastic creativity, semantically marked onyms.

---

* Светлана Анатольевна Скуридина, д-р филол. наук, заведующая кафедрой русского языка и межкультурной коммуникации Воронежского государственного университета; Svetlana A. Skuridina, Dr. of Philology, Head of the Department of Russian Language and Intercultural Communication, Voronezh State University. saskuridina@yandex.ru

Исследование особенностей именина художественных произведений Достоевского начато в работах А.Л. Бема и П.А. Бицилли в 1930-х гг. По мнению А. Бема, «там, где выбор имени кажется на первый взгляд совершенно случайным, при ближайшем рассмотрении проглядывает вполне сознательное отношение писателя», которое выражается в стремлении Достоевского дать своим героям имена, определяющие национальную принадлежность, соответствующие социальному статусу и способные выполнить мнемоническую функцию («избранное имя является знаком другого, которое писатель подразумевает для себя (отнюдь не для читателя)»)¹. П. А. Бицилли рассматривал имя собственное в творчестве Достоевского как прием индивидуализации персонажа и отмечал способность имени вызывать у читателя определенные фонетические ассоциации: «...что-то очень сильное, внушительное и вместе тяжелое, недоброе, в таких именах, как Ставрогин, Свидригайлов»². Несмотря на то что В.В. Виноградов не занимался систематическим описанием ономастического произведения Достоевского, необходимо отметить указанную исследователем языка художественных произведений обусловленность выбора имени литературным направлением: «общая сентиментальная канва романа (“Бедные люди”. — С. С.) определяет и названия действующих лиц»³.

Анализ именина произведений Достоевского представлен в трудах М.С. Альтмана, в которых ученый обращается к проблеме соотношения имен героев и их прототипов: «...из всех “именных” характеристик в произведениях Достоевского особый интерес представляют те случаи, когда он пользуется собственным именем не только для характеристики его обладателя, но и для указания на его прототип»⁴. С.В. Белов также отмечал «поразительное переосмысление Достоевским имен при создании литературных персонажей»⁵.

Поскольку имя собственное — это лаконичная по форме, но емкая по содержанию лингвистическая категория, многие исследователи при изучении разных аспектов творчества Достоевского привлекают ономастический материал. Обращение к образной системе романов, к их сюжетно-композиционной структуре, к символическому и мифопоэтическому уровням невозможно без анализа значимых онимных единиц, что свидетельствует о многоплановой мотивированности именина писателя. К. А. Баршт, анализируя особенности создания онимов Достоевским,

---

¹ См.: Бем А.Л. Словарь личных имен у Достоевского. Ч. 1: Произведения художественные // О Достоевском. Прага, 1933. Т. 2. С. 415, 421, 420, 411.

² См.: Бицилли П.М. Происхождение имени Карамазовых // Бицилли П.М. Избранные труды по филологии. М.: Наследие, 1996. С. 633.

³ Виноградов В.В. Школа сентиментального романтизма. Роман Достоевского «Бедные люди» на фоне литературной эволюции 40-х годов // Эволюция русского натурализма. Гоголь и Достоевский. Л., 1929. С. 339–340.

⁴ Альтман М.С. По вехам имен. Саратов, 1975. С. 7.

⁵ Белов С.В. Имена и фамилии у Ф.М. Достоевского // Русская речь. 1976. № 5. С. 31.

отмечает: «Нарождающееся в творческом процессе Достоевского имя собственное можно определить как “имя контактное”, т. е. промежуточное, гибридное, в котором пучки новых свойств, придающие ему уникальность, только появляются»⁶. К таким именам-апеллятивам относятся лексемы, замещающие традиционное имя в периоды изобретения и продумывания образа, например Наездница, Воспитанница, Князь и др., поскольку они «помогают сохранить хрупкий нарождающийся образ героя в его младенческом онтологическом статусе»⁷.

Как указывает основоположник воронежской ономастической школы Г. Ф. Ковалев, использование онимов в художественном тексте обусловлено четырьмя факторами: авторским сознанием, системностью именника, социальными характеристиками, историческим хронотопом⁸. Несмотря на то что в художественном поиске стихийная составляющая имеет большое значение, выбор онимов определяется моделью ономастического творчества писателя, являющейся фрагментом его индивидуально-авторской картины мира и выполняющей функцию каркаса художественного произведения, который обрывает текстом, демонстрирующим апеллятивно-онимную взаимосвязь⁹. Модель ономастического творчества писателя — это не просто совокупность имен собственных определенного художественного произведения, а иерархическая структура, которая включает ономастические доминанты разных уровней, выполняющие определенные функции, и обладает системными признаками, проявляющимися в индивидуально-авторском ономастическом коде¹⁰. Доминанта — компонент произведения, который приводит в движение и определяет отношения всех прочих компонентов¹¹, в связи с чем можно говорить об апеллятивно-онимном взаимодействии, характерном для художественного произведения. Каркасная функция модели ономастического творчества обусловлена сильной позицией имени собственного в тексте, проявление которой наблюдается в нередком замещении антропонимом главного героя названия произведения (например, «читал Раскольников?»). Автор вводит в повествование онимную единицу, являющуюся кумулятивным узлом собственного мировоззрения, однако в созданном художественном тексте

---

⁶ Барит К. А. Об именах собственных в подготовительных материалах к роману Ф. М. Достоевского «Бесы» // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2019. Т. 78, № 4. С. 29.

⁷ Там же. С. 32.

⁸ Ковалев Г. Ф. Аспекты изучения имен собственных в художественных произведениях // Ковалев Г. Ф. Избранное. Литературная ономастика. Воронеж, 2014. С. 5.

⁹ Скуридина С. А., Бугакова Н. Б. Модель ономастического творчества писателя в индивидуально-авторской картине мира // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки. 2023. № 1 (28). С. 93.

¹⁰ Скуридина С. А. Ономастический код художественных текстов Ф. М. Достоевского. Воронеж, 2022.

¹¹ Мужаржовский Я. Литературный язык и поэтический язык // Пражский лингвистический кружок. М., 1967. С. 411.

имя переосмысливается читателем, приобретая дополнительные коннотации.

Осознанный подход Достоевского к выбору имени подтверждается эпизодами его биографии. В. А. Савостьянова, племянница писателя, вспоминала, что Достоевский ее «пожурил» за выбор имени первому ребенку: «“Не Андреем он должен называться, а Константином, в честь отца мужа. В русском быту так ведется”. — “Но дядя, — возражала я, — ведь его отец умер, а мы дали имя в честь моего отца, который жив”. Он только ласково улынулся, но не уступил» (6, 216). О склонности Достоевского к ономастическому творчеству свидетельствуют псевдонимы *Зубоскал*, *Зубоскалов*, *Друг Козьмы Пруткова*, *Летописец*. Свое особое отношение к имени Достоевский проецирует на персонажей, которые размышляют о соответствии / несоответствии собственных фамилий, раскрывают семантику фамилий других действующих лиц, выбирают себе новые имена и фамилии.

Сохранившиеся черновики и переписка свидетельствуют о работе Достоевского с биографическим ономастическим материалом, результатом которой является использование в художественных текстах реально существующих, но переосмысленных и, как следствие, выражающих авторские интенции онимов разных разрядов. К их числу относится фамилия *Рогожин*, позаимствованная Достоевским у Е. Г. Рогожина, выходца из купеческого сословия, являвшегося управляющим московской конторы Государственного коммерческого банка, и имя и отчество *Настасья Филипповна*, принадлежавшее жене Е. Г. Рогожина. Их имена Достоевский мог слышать в доме Куманиных, в который была вхожа супружеская чета Рогожиных¹².

Обращаясь к творчеству Достоевского, вспомним слова А. Е. Врангеля: «Он весь был поглощен изучением человека, со всеми его достоинствами, слабостями и страстями. Все остальное было для него второстепенным. Он с искусством великого анатома отмечал малейшие изгибы души человеческой»¹³, в связи с чем предсказуемо, что ономастическими доминантами художественных текстов Достоевского являются семантически маркированные антропонимы, созданные по традиционным моделям, характерным для языка национальности, представителем которой является персонаж. Семантически значимые антропонимы полифункциональны — не только используются писателем как средство создания художественного образа, но и, к примеру, реализуют свое символическое значение, организуют пространственно-временной континуум. Предполагаемым этимологом фамилии *Ставрогин*, ономастическим импульсом для создания которой могла послужить фамилия

---

¹² Сукина Л. Б. Писатель Достоевский и купцы Куманины // Коммунар. 1990. 1 декабря. С. 3.

¹³ Врангель А. Е. Воспоминания о Ф. М. Достоевском в Сибири 1854–1856 гг. СПб., 1912. С. 91.

родственников Достоевского — Ставровских, участвовавших в тяжбе за наследство А.Ф. Куманиной, является лексема *σταυρος* ‘крест’, вписывающая происходящие события в романе «Бесы» во вселенский хронотоп, поскольку крест в христианстве выступает символом мироздания. В подготовительных материалах к роману Достоевский ниже подзаголовка «Хронология» записывает следующее: «Действие романа в *сентябре*» (выделено Ф. М. Достоевским. — С. С.) (10, 94). Как указывает Л.И. Сараскина, события в «Бесах» начинают активно развиваться 12 сентября¹⁴, а праздник Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня, который в народе называют Ставров день, приходится на 14 сентября. По мнению Т.А. Касаткиной, фамилия главного героя романа «Бесы» связана с образом паука-крестовика: «Здесь также налицо символика образа антихриста, ибо крест соединяется с пауком — символом осатаневшей самости в произведениях Достоевского. Можно сказать, что паук-крестоносец — один из удачейших символических образов Достоевского, показывающих границы и размах человеческого существа — от рая до ада, и его возможность реализоваться в любой момент в любой из точек в этих границах»¹⁵. Б.Н. Тихомиров, подробно рассматривая энтомологическую (арахнологическую) символику Достоевского и отмечая многоплановость образа паука, указывает на характерную для творчества писателя метафору «душа паука», которая обозначает «расчеловечивание человека»¹⁶.

Компоненты антропонимов в произведениях Достоевского представляют собой семантическую целостность: если для именования героя используется традиционная русская ономастическая модель *фамилия + имя + отчество*, значит, каждый оним в ней важен, в том числе смысловую нагрузку несут диминутивы, наличие или отсутствие которых свидетельствует об особом отношении автора к персонажу, например, средний сын Федора Павловича Карамазова ни разу не называется с использованием диминутивной формы имени Иван, тогда как для именования старшего и младшего привлекаются онимы *Митя* и *Алеша*.

Об изменениях в жизни Вареньки Доброселовой в романе «Бедные люди» свидетельствует подпись в конце каждого ее письма: изначально используя формулу *Варвара Доброселова*, трансформированную впоследствии в указание инициалов *В.Д.*, в последнем письме Макару Девушкину героиня ставит только начальную букву своего имени. В романе нет точного указания на изменение семейного положения Варвары Доброселовой (Достоевским вводится мотив увоза: «Вас увозят, вы

¹⁴ Сараскина Л.И. «Бесы»: роман-предупреждение. М., 1990. С. 23.

¹⁵ Касаткина Т.А. Священное в повседневном: Двусоставный образ в произведениях Ф.М. Достоевского. М., 2015. С. 55.

¹⁶ Тихомиров Б.Н. «Вот у вас ползет клоп...» (Из наблюдений над «энтомологией Достоевского») // Достоевский и мировая культура: филологический журнал. 2023. № 3 (23). С. 54.

едете! <...> Вот я от вас письмецо сейчас получил, всё слезами заплапанное. Стало быть, вам не хочется ехать; стало быть, вас насильно увозят...» — восклицает Макар Девушкин (1, 106), в связи с чем эмблематично предваряющее это событие упоминание пушкинской повести «Станционный смотритель», какую Варенька рекомендует прочитать Макару Девушкину, как будто заранее подготавливая его к подобным переменам в ее жизни). Девичья фамилия в подписи утрачена, новая фамилия, которую героиня должна была приобрести после замужества, не указана, что является свидетельством неоднозначности положения Варвары Доброселовой.

Следует отметить, что в ономастической модели творчества Достоевского доминирующее положение тех или иных онимов не определяется частотностью их употребления. Например, некоторые топонимы, также относящиеся к числу ономастических доминант, возникают в тексте однажды, хотя могут нести основную смысловую нагрузку. В романе «Братья Карамазовы» название города *Скотопригоньевск* вводится в повествование только во второй главе одиннадцатой книги романа «Братья Карамазовы», но ремарка рассказчика «увы, так называется наш городок, я долго скрывал его имя» свидетельствует о значимости созданного писателем топонима (15, 15), актуализирующего зооморфные коннотации и определяющего апеллативно-онимную систему, индивидуально выстраиваемую автором в каждом произведении и являющуюся одной из основных особенностей ономастического кода художественных текстов Достоевского: писатель вводит в повествование апеллативы, родственные ключевым именам собственным или входящие с данными онимами в одно лексико-семантическое поле. В романе «Братья Карамазовы» апеллативно-онимное взаимодействие представлено зооморфными лексемами (*Скотопригоньевск*, *Воловья станция*, *поросенок (поросяточки)*, *свинья*, *курица*, *стадо*, *свинство* и др.) и семантически связанными с ними лексемами и словосочетаниями, актуализирующими ольфакторный код (*Смердящая*, *Смердяков*, *смердеть*, *смерд*, *провонять*, *вонь*, *вонючий*, *тлетворный дух*, *воздух чистый (нечистый) пускать*, *пахнуть* и др.), в соответствии с чем предсказуемо, что отношения в семье Карамазовых подаются с помощью ольфакторных глаголов *смердеть* и *пронохать*, используемых в речи Ракитина: «Смердит у вас» (14, 73), Зосима «действительно прозорлив: уголовщину пронохал...» (14, 73). Этимологически ольфакторный глагол *пронохать* — разузнать что-то тайное — содержит прямой намек на истинного убийцу старика Карамазова, носящего зловонную фамилию *Смердяков* и являющегося поваром, т. е. имеющего прямое отношение к запахам.

В романе «Бесы» апеллативно-онимное взаимодействие выражено орнитоморфными лексемами (*Скворешники*, глагол *лететь* и его производные, антропонимы *Лебядкина*, *Дроздова*, *Гаганов*, существительными *гнездо*, *птены*), позволяющими Достоевскому создать хронотоп

хаоса: выбранные Достоевским онимы и апеллятивы описывают постоянное движение как во времени, так и в пространстве, что обусловлено возвращением Ставрогина и младшего Верховенского (птенцов, как они называются в тексте), в родное гнездо.

Раскрытие семантики имени собственного происходит в контексте произведения, в персонажной речи и каламбурах, а также в паремиях, включающих онимный компонент. В романе «Братья Карамазовы» значение фамилии *Карамазов* представлено в речи жены штабс-капитана Снегирева, называющей Алешу Черномазовым (14, 184). Слово *черномазый* Достоевский услышал на каторге, включив его в свои заметки, изданные впоследствии под названием «Сибирская тетрадь»: «Да он у нас [когда] белый не ходит, а все такой черномазый»¹⁷. В романе «Бесы» капитан Лебядкин возмущается: «а между тем я только Лебядкин, от лебеда, — почему это?» (10, 141), а лакей Видоплясов в повести «Село Степанчиково и его обитатели» каждый день придумывает себе новую фамилию: Олеандров, Тюльпанов, Григорий Верный, Уланов, Танцев, Эсбукетов.

В романе «Преступление и наказание» Лужин ошибочно называет Разумихина Рассудкиным, таким образом обозначая рациональность приятеля Раскольникова, однако, как известно, в творчестве Достоевского противопоставляются герои, руководствующиеся сердцем, и герои, выбирающие разум, и авторская симпатия принадлежит, безусловно, первым, поэтому не случайно лексема *сердце* используется писателем как элемент библионимов («Слабое сердце»; «Исповедь горячего сердца» — три главы в романе «Братья Карамазовы» и т.д.), а в последнем романе «сердечную» фамилию носит доктор, практикующий в Скотопригоньевске (*Герценштубе: Herz* ‘сердце’ + *Stube* ‘комната’). Но оказывается, что Разумихин является обладателем другой фамилии: «Я вот, извольте видеть, Вразумихин; не Разумихин, как меня все величают, а Вразумихин, студент, дворянский сын...» (6, 93) (ср. *Разумихин* от *разуметь* ‘понимать, постигать, знать усвоить себе разумом или наукой’ (4, 53), *Вразумихин* от *вразумить* (*вразумлять*) ‘наставлять, поучать, давать о чем ясное и правильное понятие, убеждать, наводить на толк, надоумлять’ (2, 259)). Товарищ Раскольникова может вразумлять других, однако сам живет сердцем, отсюда его порывистость: «Иногда он буянил и слыл за силача. Однажды ночью, в компании, он одним ударом ссадил одного блюстителя вершков двенадцати росту. Пить он мог до бесконечности, но мог и совсем не пить; иногда проказил даже непозволительно, но мог и совсем не проказить» (6, 44). Макар Девушкин сетует, что из его имени пословицу сделали: «... всё на Макара Алексеевича; они только и умели сделать, что в пословицу ввели Макара Алексеевича» (1, 47). Безусловно, речь идет о пословице

---

¹⁷ Достоевский Ф. М. Моя тетрадка каторжная (Сибирская тетрадь). Красноярск, 1985. С. 31.

«на бедного Макара все шишки валяются», которая не только углубляет прочтение имени героя первого романа Достоевского, но и соотносит его образ с библионимом «Бедные люди».

При анализе ономастикона художественных текстов Достоевского необходимо учитывать, что к каждому имени писатель подходил индивидуально, поэтому выяснение значения того или иного имени — только первый шаг на пути понимания авторского выбора. Достоевский мастерски владел словом, умело соотносил имя и апеллатив, в результате чего одной из особенностей его модели ономастического творчества стало апеллативно-онимное взаимодействие, осуществляемое на основе народной этимологии имени, например, в романе «Идиот» Лебедев назван *Лукияном*, а при описании его действий Достоевский настойчиво использует адектив *лукавый* и его производные: «И Лебедев лукаво приложил палец ко лбу» (8, 166), «умилительно заключил Лебедев, и что-то лукавое проглянуло в его усмешке» (8, 372), «Лебедев <...>, лукаво подмигивая глазами, делал и показывал что-то руками» (8, 440). Личное имя Раскольникова *Родион*, употребляемое в виде диминутивных форм *Родя* («Милый мой Родя...» (6, 27), — обращается к сыну Пульхерия Александровна в письме, и читатель узнает имя героя романа «Преступление и наказание»), *Роденька* («Ответ: есть, потому такая мамаша есть, что из стадвадцатипятирублевой своей пенсии, хоть сама есть не будет, а уж Роденьку выручит, да сестрица такая есть, что за братца в кабалу пойдет» (6, 97–98)), соотносится с глаголом *родить* и его дериватами *родной*, *Родина*. Э.Б. Магазаник и Л.И. Ройзензон высказали предположение о рифмовке имени *Родион* с именем *Наполеон*¹⁸, что, на наш взгляд, небезосновательно, так как один из персонажей романа с семантически маркированной фамилией *Заметов* размышляет: «Уж не Наполеон ли какой будущий и нашу Алену Ивановну на прошлой неделе топором ужокошил?» (4, 204) Отметим еще раз склонность Достоевского к словотворчеству и к поиску внутренней формы слова, например, Е.Н. Опочинин рассказывал, «как в беседе с ним Достоевский “осмыслил” фамилию — Авенариус: “Какая славная фамилия! — сказал Достоевский, разлагая ее по частям: — Ave — по-латыни ‘здравствуй’, Narr — по-немецки ‘дурак’” — и переводит: “здравствуй, дурак”»¹⁹, в связи с чем возможно предположить, что в имени Раскольникова писатель увидел противопоставление *Родион* (род человеческий и герой), которое поддерживается фамилией, связанной с существительным *раскол*. На важность имени *Родион* указывается в одном из эпизодов романа, когда поручик Порох ошибочно называет его Родионович: «Ну что: Раскольников. И неужели вы могли

¹⁸ Магазаник Э.Б., Ройзензон Л.И. Поэтическая ономастика и фонетическая экспрессия; к инструментровке собственных имен в русской художественной литературе // Вопросы ономастики. Вып. 214. Самарканд, 1971. С. 71.

¹⁹ Цит. по: Альтман М.С. По вехам имен. С. 5.

предположить, что я забыл! Вы уж, пожалуйста, меня не считайте за такого... Родион Ро... Ро... Родионыч, так, кажется?..» (6, 407) Не случайно соединение в одном восклицании Порфирия Петровича имени-отчества Раскольников и лексем, связанных с родством: «Батюшка! Родион Романович! Родименький! Отец! Да что с Вами?» (6, 264) — Раскольников не только связывается со всем человеческим родом, но и отмечается его главное предназначение как мужчины — быть отцом рода. Архетип отца впоследствии возникнет в романе «Братья Карамазовы», когда штабс-капитан Снегирев, обращаясь к своему сыну, будет использовать лексему *батюшка*: «“Батюшка, милый батюшка!” — восклицал он поминутно, смотря на Илюшу. У него была привычка, еще когда Илюша был в живых, говорить ему ласкаючи: “Батюшка, милый батюшка!”» (15, 190)

Интересно, что значение имени или фамилии персонажа поддерживается указанием автора на какую-нибудь индивидуальную особенность, например, в романе «Братья Карамазовы» имя *Грушенька* соотносится с названием плодового дерева, в связи с чем гармонично с точки зрения реализации апеллятивно-онимного взаимодействия описание героини Митей: «Я говорю тебе: изгиб. У Грушеньки, шельмы, есть такой один изгиб тела, он и на ножке у ней отразился, даже в пальчике-мизинчике на левой ножке отозвался» (14, 109). В романе «Бесы» Марья Тимофеевна, чья фамилия связана с образом лебедя, изображается с «длинною шеей» и отмечается, что она «белится и румянится и губы чем-то мажет» (10, 114), а фамилия губернатора *Лембке* соотносится с описанием его внешности, в которой привлекают внимание «бараньи глаза» («бараний взгляд») ²⁰.

Как видим, обращение к модели ономастического творчества Достоевского позволяет выявить не только онимные уровни, но и установить принципы, на основе которых осуществляется взаимодействие имен собственных с другими лексическими единицами, в результате чего текст предстает как апеллятивно-онимное единство. Несмотря на то что Достоевский вводит в текст автобиографичные онимы, его персонажи не являются точной копией своих прототипов — писатель заимствует семантически емкое имя, способное эксплицировать дополнительные смыслы, и дает его герою произведения, зачастую не связанному с реальным носителем имени. Модель ономастического творчества Достоевского отличается системностью, которая характерна для произведений разных периодов творчества, в связи с чем ономастические доминанты можно рассматривать как основные элементы, участвующие в построении концепции всего произведения.

---

²⁰ *Альтман М. С.* По векам имен. С. 79.

Библиографический список

- Альтман М. С.* По вехам имен. Саратов, 1975. 280 с.
- Барит К. А.* Об именах собственных в подготовительных материалах к роману Ф. М. Достоевского «Бесы» // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2019. Т. 78, № 4. С. 25–36.
- Белов С. В.* Имена и фамилии у Ф. М. Достоевского // Русская речь. 1976. № 5. С. 27–31.
- Бем А. Л.* Словарь личных имен у Достоевского. Ч. 1: Произведения художественные // О Достоевском. Прага, 1933. Т. 2. С. I–VIII, 1–89 (Приложение). С. 415, 421, 420, 411.
- Бицилли П. М.* Происхождение имени Карамзовых // Бицилли П. М. Избранные труды по филологии. М.: Наследие, 1996. С. 633–635.
- Виноградов В. В.* Школа сентиментального романтизма. Роман Достоевского «Бедные люди» на фоне литературной эволюции 40-х годов // Эволюция русского натурализма. Гоголь и Достоевский. Л., 1929. С. 339–340.
- Врангель А. Е.* Воспоминания о Ф. М. Достоевском в Сибири 1854–1856 гг. СПб., 1912. 223 с.
- Достоевский Ф. М.* Моя тетрадка каторжная (Сибирская тетрадь). Красноярск, 1985. 111 с.
- Касаткина Т. А.* Священное в повседневном: Двусоставный образ в произведениях Ф. М. Достоевского. М.: ИМЛИ РАН, 2015. 528 с.
- Ковалев Г. Ф.* Аспекты изучения имен собственных в художественных произведениях // Ковалев Г. Ф. Избранное. Литературная ономастика. Воронеж: Новая книга, 2014. С. 3–27.
- Магазаник Э. Б., Ройзензон Л. И.* Поэтическая ономастика и фонетическая экспрессия; к инструментовке собственных имен в русской художественной литературе // Вопросы ономастики. Вып. 214. Самарканд, 1971. С. 60–72.
- Мукаржовский Я.* Литературный язык и поэтический язык // Пражский лингвистический кружок. М., 1967. С. 411.
- Сараскина Л. И.* «Бесы»: роман-предупреждение. М.: Советский писатель, 1990. 480 с.
- Скуридина С. А.* Ономастический код художественных текстов Ф. М. Достоевского: монография. Воронеж: Воронежск. гос. техн. ун-т, 2022. 342 с.
- Скуридина С. А., Бугакова Н. Б.* Модель ономастического творчества писателя в индивидуально-авторской картине мира // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки. 2023. № 1 (28). С. 92–97.
- Сукина Л. Б.* Писатель Достоевский и купцы Куманины // Коммунар. 1990. 1 декабря. С. 3.
- Тихомиров Б. Н.* «Вот у вас ползет клоп...» (Из наблюдений над «энтомологией Достоевского») // Достоевский и мировая культура: филологический журнал. 2023. № 3 (23). С. 43–65.

References

- Al'tman M. S. *Po vekham imen* [By milestones of names]. Saratov, 1975. 280 p. (In Russ.)
- Barsht K. A. Ob imenakh sobstvennykh v podgotovitel'nykh materialakh k romanu F. M. Dostoevskogo "Besy" [About proper names in the preparatory materials for the novel by F. M. Dostoevsky "Demons"]. *Izvestiia RAN. Seriya literatury i iazyka*, 2019, vol. 78, no. 4, pp. 25–36. (In Russ.)
- Belov S. V. Imena i familii u F. M. Dostoevskogo [Names and surnames in F. M. Dostoevsky]. *Russkaia rech'*, 1976, no. 5, pp. 27–31. (In Russ.)
- Bem A. L. Slovar' lichnykh imen u Dostoevskogo. Ch. 1: Proizvedeniia khudozhestvennyye [Dostoevsky's dictionary of personal names. Part 1: Works of art]. In: *O Dostoevskom*, vol. 2 (Prilozhenie). Praga, 1933. Pp. 415, 421, 420, 411. (In Russ.)
- Bicilli P. M. Proiskhozhdenie imeni Karamazovykh [The origin of the name Karamazov]. In: *Rossiiia i slavianstvo* (Paris), 1931, 24.X. (In Russ.)
- Dostoevskii F. M. *Moia tetradka katorzhnaia (Sibirskaia tetrad')* [My convict notebook (Siberian notebook)]. Krasnoiarsk, 1985. 111 p. (In Russ.)
- Kasatkina T. A. *Sviashchennoe v povsednevnom: Dvusostavnyi obraz v proizvedeniakh F. M. Dostoevskogo* [The sacred in the everyday: A two-part image in the works of Dostoevsky]. Moscow: IMLI RAN, 2015. 528 p. (In Russ.)
- Kovalev G. F. Aspekty izucheniia imen sobstvennykh v khudozhestvennykh proizvedeniakh [Aspects of the study of proper names in works of art]. In: Kovalev G. F. *Izbrannoe. Literaturnaia onomastika*. Voronezh: Novaia kniga, 2014. Pp. 3–27. (In Russ.)
- Magazaniuk E. B., Roizenzon L. I. Poeticheskaia onomastika i foneticheskaia ekspressiia; k instrumentovke sobstvennykh imen v russkoi khudozhestvennoi literature [Poetic onomastics and phonetic expression; towards the instrumentation of proper names in Russian fiction]. In: *Voprosy onomastiki*, iss. 214. Samarkand, 1971. Pp. 60–72. (In Russ.)
- Mukarzhovskii Ja. Literaturnyi iazyk i poeticheskii iazyk [Literary language and poetic language]. In: *Prazhskii lingvisticheskii krugozor*. Moscow, 1967. P. 411. (In Russ.)
- Saraskina L. I. "Besy": roman-preduprezhdenie ["Demons": a warning novel]. Moscow: Sovetskii pisatel', 1990. 480 p. (In Russ.)
- Skuridina S. A. *Onomasticheskij kod khudozhestvennykh tekstov F. M. Dostoevskogo*: monograph [Onomastic code of F. M. Dostoevsky's literary texts]. Voronezh: Voronezh State Technical University, 2022. 342 p. (In Russ.)
- Skuridina S. A., Bugakova N. B. Model' onomasticheskogo tvorchestva pisatel'ia v individual'no-avtorskoi kartine mira [The model of onomastic creativity of a writer in an individual author's picture of the world]. *Vestnik Vologodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoricheskie i filologicheskie nauki*, 2023, no. 1 (28), pp. 92–97. (In Russ.)
- Sukina L. B. Pisatel' Dostoevskii i kuptsy Kumaniny [The writer Dostoevsky and the merchants Cumanians]. *Kommunar*, 1990, Dec. 1, p. 3. (In Russ.)
- Tikhomirov B. N. "Vot u vas polzet klop..." [Iz nabliudeniia nad "entomologiei Dostoevskogo"] ["Here you have a bug crawling..."] (From observations on

Dostoevsky's entomology)]. *Dostoevskii i mirovaia kul'tura: filologicheskii zhurnal*, 2023, no. 3 (23), pp. 43–65. (In Russ.)

Vinogradov V. V. Shkola sentimental'nogo romantizma. Roman Dostoevskogo "Bednye liudi" na fone literaturnoi evoliutsii 40-kh godov [The school of sentimental romanticism. Dostoevsky's novel "Poor People" against the background of literary evolution of the 40s]. In: *Evoliutsiia russkogo naturalizma. Gogol' i Dostoevskii*. Leningrad, 1929. Pp. 339–340. (In Russ.)

Vrangel' A. E. *Vospominaniia o F. M. Dostoevskom v Sibiri 1854–1856 gg.* [Memories of F. M. Dostoevsky in Siberia 1854–1856]. St. Petersburg, 1912. 223 p. (In Russ.)